

Вологодская Духовная Семинария была открыта в 1730 г. Преосвященным Афанасием Кондонди (ВЕВ.1865.).

С 1833 по 1837 гг. обучался в семинарии Павел Иванович Савваитов, затем преподавал в этой же семинарии с 1837 по 1842 гг. С 1832 по 1832 гг. обучался ДС Алексей Иванович Попов, уроженец Устьсысольского у., затем окончил Московскую ДА и с 1843 г. был определен преподавателем Вологодской ДС во вновь открытый класс зырянского языка, умер в Вологде 1886 г. В 1837 г. окончил семинарию Вонифатий Георгиевич Кокшаров в последствии настоятель Устьсысольского Троицкого собора. С 1836 по 1842 гг. обучался старший брат поэта Василий Куратов, с ним вместе обучался Иван Попов (Корткеросский) отец Сандры Зеленецкой. В 1852 г. закончили семинарию Петр Клочков и Николай Шаламов. В 1854 г. закончил семинарию Протоген Вонифатиевич Кокшаров, затем после окончания Московской ДА преподавал в этой семинарии 1858-1862 гг. Вместе с ним окончил семинарию брат поэта Афанасий Куратов. В 1858 г. окончил семинарию брат поэта Вонифатий Куратов. С 1854 по 1860 гг. обучался в семинарии Иван Алексеевич Куратов.

Интересные воспоминания о семинарской жизни оставил Алексей Попов, учившийся в одно время с Иваном Куратовым только двумя годами младше. Вот выдержки из его книги "Воспоминания причетнического сына". Вологда.1913.

"Весь семинарский курс, по действовавшему тогда уставу комиссии духовных училищ, делился на три двухгодичных класса, называвшихся отделениями низшим, средним и высшим, или иначе классами риторическим, философским и богословским. В классах богословском и философском было по два отделения, а в риторике - три. Здание духовной семинарии было двухэтажное, по двум линиям: от плацпарадного места к реке тянулся старый корпус Ювеналиевский. Во втором этаже была столовая, а внизу кухня и больница, по левой стороне этого корпуса вверх были устроены ученические спальни. Со среднего же подъезда, бывшего парадным, был вход в квартиру ректора и в правление семинарии, находившиеся на втором этаже с правой стороны, а по левой стороне шли все спальные комнаты, а внизу помещалась умывальня, квартира помощника инспектора, обязанного смотреть за поведением казеннокоштных воспитанников и комната для господ наставников, куда был уже особый вход, составлявший третий подъезд. В новом же корпусе вверх помещались классы богословский и философский, библиотека, а внизу - три отделения риторические.

Во главе семинарии стоял о.ректор ее, настоятель Вологодского Спасоприлуцкого монастыря архимандрит Ювеналий, по фамилии Знаменский. Он был сын одного из Московских протоиереев, кончивший курс в родной академии со степенью магистра. Наушничанья он не любил, не спешил он на заключения о том или другом человеке, старался спокойно убеждаться сам во всем непосредственно. Инспектором семинарии был настоятель Вологодского Святодуховского монастыря, кандидат Московской ДА архимандрит Дионисий Аннинский, лет уже под 60. Это была святая простота, добрейшей души человек. Третьим членом правления семинарии был учитель богословских наук Павел Михайлович Добряков. Это был серьезный человек, с характером строго выдержанным, корректный, деликатный и тоже добрый, не до слабости. Секретарем же семинарского

правления был кандидат Санкт-Петербургской ДА Хергозерский Алексей Никитич, славившийся как хороший знаток священного писания и как несравненный преподаватель.

В 1856 г. преосвященный Феогност Лебедев был переведен во Псков, а на место его на Вологодскую кафедру прибыл преосвященный Христофор Еммаусский из петербургских викариев. Этот Вологодский владыка любил благовест к обедням долгий, не менее часу, служил неспешно, но и не тянул. проповеди говорил по тетради. В это же время прибыл наш новый профессор, окончивший курс в Московской ДА со степенью магистра, Анемподист Ионыч Малевинский. С прибытием нового профессора (преподавателю семинарии со степенью магистра было официально усвоено звание профессора, а со степенью кандидата – учителя) преподавание нашей словесности оживилось.

Учебный год в семинарии начинался с 1 сентября и заканчивался 15 июля. И как же ждем, бывало, этого вожделенного дня, не бывавши в родной семье круглый год! Но вот он настал. Списки прочитаны, молебен отслужен, гардероб на плечах, хлеб соль у нескольких человек в одной корзине, а на молоко если насчитывалось на 10 человек рублевка, то мы были в восторге. Сборным пунктом и точкой отправления было место около Красного моста. Ехали в лодках по р.Вологде, затем по Сухоне до Устюга, а оттуда уже в уезды Сольвычегодский, Яренский, Устьсысольский. Наша лодка вологодская обыкновенно продавалась в Устюге, вырученные за нее деньги делились, а отсюда расходились или разъезжались, кто как мог семинаристы в разные сороны.

Экономом семинарии был один из членов братства Спасо-Прилуцкого монастыря иеромонах Виталий. По происхождению это был чистокровный зырянин. Он служил в свое время причетником в зырянском крае и угадал в монастырь, как утверждала злая молва, будто бы за то, что убил чужого годовалого жеребца, ударив за что-то его кулаком по голове. Силищей обладал он действительно страшной, так что сог свертывать пальцами в трубочку медные павловские копейки. Что же касается его грамотности, то мог подписывать свое звание и имя, хотя иногда ошибочно. Так, когда о.ректор рассудил взять его на должность эконома в семинарию, то о.Виталий, назначенный сначала исправляющим эту должность, научен был подписывать бумаги так: "В должности эконома иеромонах Виталий". А он, не умея различить понятия, соединенные со словами эконома и иеромонаха, писал так: "В должности иеромонаха эконом Виталий". В последствии назначен был первым настоятелем восстановленной в 1863 г. Ульяновой пустыни Устьсысольского у.

Появились в семинарии талантливые профессора: Протоген Вонифатиевич Кокшаров (сын настоятеля Устьсысольского Троицкого собора-А.М.), читал лекции по логике и психологии, в последствии служившем старшим начальником отделения канцелярии обер-прокурора Св.Синода, Петр Федорович Попов, Иван Гаврилович Кузнецов, Василий Тимофеевич Даманский. Заговорили они о нуждах чтения и самообразования. Стала развиваться журналистика, появились новые духовные журналы: "Странник", "Православное обозрение", "Домашняя беседа". А в светской журналистике, популяризируя прогрессивные идеи, победоносно пошел вперед "Современник", а в след за ним и "Русское

слово". Нашлась бы в Киеве в лице профессора Юркевича сила, способная противостоять другой силе, явившейся в лице Чернышевского, но, к сожалению, первого скоро не стало. Переведенный из Киевской ДА в Московский университет профессор Юркевич, печатавший свои статьи в "Трудах Киевской ДА" и "Вестнике Европы", скоро умер. Читали мы все – и классических проповедников, и светских писателей, и поэтов, и публицистов, и различные лекции, конечно, не печатные, например, проф. Ф.А.Голубинского (умственное богословие), и архиепископа Иннокентия (учение о религии), и Фейербаха (сущность христианства), и "Колокол" Герцена, и сочинения Белинского, и "Домашнюю беседу" В.А.Аскоченского, и духовные и светские журналы, не исключая, конечно, ни "Русского слова", ни "Современника", в котором печатались тогда Н.А.Добролюбов, Н.А.Некрасов, Тургенев, Михайлов, кроме Чернышевского.

Очердные проповеди для произнесения в соборе назначались в наше время и не одному гражданскому духовенству, но и преподавателям семинарии. Таким образом послушать нам было кого. Первое место между всеми проповедниками и в нашем юном внимании по достоинству занимал, конечно, прославившийся своими трудами отец протоиерей Василий Иванович Нордов. Из господ профессоров семинарии говорили проповеди в соборе преподаватель грамматики Павел Михайлович Добряков, Алексей Никитич Хергозерский, Николай Иванович Суворов, а из молодых Анемподист Ионич Малевинский и Протоген Вонифатиевич Кокшаров. Так я помню, когда Протоген Вонифатиевич говорил раз проповедь в праздник Воздвижения Креста Господня на тему "О, преблаженное древо, на нем же распялся Христос, Царь и Гоподь...", то впечатление получилось поразительное. Это был человек по внешности не представительный: небольшого роста, с голосом тихим, с лицом спокойным, но со взглядом глубоким и совершенно серьезным. Его проповедь слушал весь собор молящихся с замиранием сердца. Иак умно, сжато и сильно, с чувством непритворного благоговения перед великою святынею и с чувством сердечного сожаления о нашей небрежности иногда в отношении креста говорил проповедник, что его мысли овладевали мыслию слушателя и его чувства овладевали сердцем последнего. Помню и то, что, когда Кокшаров кончил проповедь, то стоящий недалеко от меня один из дворян Брянчаниновых со своим сыном-гимназистом, обратившись к сему последнему тихо, но все-таки довольно слышно для стоявших на близком расстоянии, сказал: "Помни, сегодня слышали мы знаменитое слово".

С ранней весны 1858 г. в Вологде стало известно, что с наступлением лета государь император Александр Николаевич намеревается ехать на конях через Вологду в Архангельск, а оттуда на Соловки. Все ведомства и губернские учреждения стали заботливо и быстро подчищаться, казенные здания и частные дома, по крайней мере на главных улицах, ремонтироваться, даже улицы, мостовые и тротуары поправляться. Построены были и триумфальные ворота за Каменным мостом по направлению к собору от речки Золотухи. Вологда стала наполняться массами людей, отовсюду прибывающих в город в несметном количестве. Несметные толпы людей и днем, и ночью ходили, сидели и спали на площадях и улицах. Ждали весь день 15 июня, но государь прибыл 4 часа ночи, когда его уже перестали ждать, подвезли к запертому собору, а оттуда к дому губернатора, где он должен был отдохнуть до обедни, назначенной в 10 часов утра. Но уже с утра все улицы были запружены народом. Ни

проехать ни пройти по ним было невозможно. Говорили, что перед обедней государь выходил на балкон взглянуть на свой народ, пришедший в неизъяснимый восторг от одного ласкового взгляда своего любимого монарха. После обедни ждали государя в семинарии, в 12 часов дня он прибыл. Вступив в залу, государь изволил сказать: "Здравствуйте, дети!". Дети ответили поклоном и запели молитву. Прослушав молитву государь быстро пошел осматривать семинарию, разговаривая с о.ректором о преподавателях и о зырянском языке, в несколько минут государь осмотрел весь семинарский корпус. Государю тогда было только 40 лет, высокого роста, прекрасно сложенный, с добрыми голубыми глазами, замечательно красивый, по истине царскою, походкою производил на всех нас неотразимое, чарующее впечатление. Часов в 11 вечера того же дня последовал выезд государя императора, также на конях, как и в Вологду, в Архангельск.

Наша жизнь, и квартирная, и бурсацкая, шла просто, смирно, прозаично. Ходили в класс, учили уроки, писали свои лекции и сочинения, а потом по мере умственного развития, читали, рассуждали, иногда диспутировали. На досуге гуляли, для чего достаточно было летнею порой раз вечером пройтись по бульварам. А зимою семинаристы нашего времени любили гулять неудержимо только во время январской ярмарки. Сюда тянули их "белоснежки". Это деревенские поповны, привозимые на ярмарку по делу и без дела, а прито так, для гулянья, ингда издалека. Сельские поповны и дьяконовны и есть "белоснежки", потому что родители обували их в белые катанки, в которых они разгуливали по Вологоде зимою. А горожанки и в наше время, особенно молодые девушки носили и зимой башмаки и калоши, хотя и катанные, быть может, но черные. Были между нами и любители веселья, умевшие около ночи сходить куда-нибудь в село на гулянье и к утру, как ни в чем не бывало, вернуться в семинарию. Не часто, но бывали иногда танцевальные вечера и у таких лиц из городского духовенства, у которых были возрастные сыновья и дочери, приглашавшие на них одни своих подруг, а другие друзей. И ходили, и веселились те, кого приглашали.

Сиротин В.И.

Раз один отец семейства, из числа вологодских отцов дьяконов, имевших возрастных сыновей и дочь - красавицу-девицу - и живший в церковной сторожке в самом корпусе храмового здания, по просьбе детей, устроил в своей увартире танцевальный вечер. На этот вечер приглашено было столько девиц и мужчин из числа товарищей сына-семинариста и подруг дочери, сколько в квартире поместиться могло. Но в числе приглашенных почему-то не оказался один из видных товарищей сына о.диакона - известный уже в Вологде поэт Сиротин. Сиротин обиделся и жестоко отомстил своему недалёковидному товарищу, и не только ему, но и всей семье отца его. Когда шла на этом вечере пляска веселящейся молодежи, Сиротин, посидев на соборной горке, прошел мимо этой церковной квартиры, зашел в гостиницу "Париж", где и написал весьма известное в свое время стихотворение под заглавием: "Вечер В...а". Для того, чтобы дать читателям понятие о силе и язвительности языка Сиротина, я, пожалуй, могу прочитать по памяти хотя начальные строки из этого нецензурного, как и большая часть его стихотворений, эскиза. Вот его начало.

Раз случилось в час вечерний,
Мне долгохонько погулять.
И я шел с горы соборной
Вдаль, туда, где рвбный ряд.
Вижу я, Чертог Спасенья
На пути моем стоит,
    Это церковь Вознесенья.
    Подхожу. И что за вид!
    В окнах там свечи мелькают,
    И трезвонят, и поют,
    Танцы, пляска. Знать играют
    Груню, ягоду мою... и т.д.

Описав беспощадно далее отца и сына, и, обозвав все собрание молодежи глупым стадом гадаринских свиней, жестокий поэт не пощадил и ни в чем не повинной перед ним дочери о.диакона. Он говорил о ней:

А Раиса молодая.
И резвяся, и играя,
С покрасневшимся лицом
Лихо пляшет с молодцом.
То, как серна, быстро вскочит,
То, как пава проплывет,
То вернется ловко, браво,
То вдруг медленно пройдет.

На другой день это стихотворение уже было у епископа, а по городу распространилось из гостиниц в сотнях списков и произвело большую сенсацию. Отцу же диакону оно принесло много хлопот и горя. А бедная дочь его так была поражена ее публичным осмеянием и широко развернувшимся скандалом, что вскоре после этого захворала от стыда и умерла.

Но мне хотелось бы вернуться к семинарскому поэту предшествующего нашего нашему, впрочем, времени Василию Ивановичу Сиротину, что с кем вы ни заговорили бывало, все знали его. А в семинарии и до сего, кажется, помнится имя Сиротина. Да, это был поэт, правда, большею частью нечистоплотный и не дороживший талантом, хотя в прологе к поэме "На докладе у сатаны" и рекомендунтся между прочим хвастливо и гордо таким образом:

Я Данте друг по Аполлону,
Собрат по лире мне Гомер.
Так дайте ж путь мне к Геликону,
Скрывать таланты не манер.

Его стихотворения "Друзья, свобода наша пала...", "Улица, улица, ты, брат, пьяна...", "Колокольчики звонят...", "Вечер Б...а", "На докладе у сатаны", конечно, нигде не были напечатаны и не могли быть напечатаны в то время, но были широко известны. Лично мне нравилась поэма Сироткина "На докладе у сатаны". Она, к сожалению, у меня не сохранилась. А если у кого сохранилась она, то ее даже ныне, кажется, следовало бы напечатать. Идея этой поэмы – осмеяние пороков известного времени. А построение ее такое. Ад. Подробное и сильное описание его в

русском народном духе со всеми ужасами грешников. И там, в центре его, тронная зала сатаны. Трон его. Сатана уже на троне. Перед ним в дьявольски почтительной позе стоят все дьяволы, которым поручено было развращать каждый город в России, и докладывают почтительнейше о своих трудах и успехах. Дослушивая последнего из докладчиков и окидывая мрачным взором свою залу, вдруг сатана гневно спрашивает: "А где же вологодский черт?" И вологодский черт в ту же минуту предстал перед ним и повел свой доклад как опытный докладчик и неплохой оратор. И после приветствия и общей характеристики жизни людской докладчик, вертя от удовольствия хвостом, начинает описывать очень метко все грешное в жизни вологжан, по профессиям, не исключая даже калачниц базарных. С концом доклада вологодского черта кончилась поэма, производившая угнетающее впечатление своею страшною правдой реальностью. А начиналась она так:

В аду. Под закоптелым сводом,
Где жарят грешников в огне
И где все занято народом
Не только на полу, но даже на стене.

И затем шло подробное описание адских мучений по народному представлению. Кто болтался повешенным на стене за ребро, кто за язык, кто варился в котле, кто жарился в огне, а кто скрипел зубами, страдая в холодильнике. И эти все картины были обрисованы сильными штрихами и довольно легким и свободным стихом, так что некоторые места из этой поэмы и самая идея ее не забываются во всю человеческую жизнь. А между тем самого творца ее давно уже нет на свете. По окончании семинарского образования он принял сан священника со взятием неграмотной девушки где-то в зырянском крае. Жена его не любила ни книг, ни писаний. Он писал, а она сжигала. Он стал больше пить, а она овдовела. Лишившись жены, лишился он и места. Начались печальные странствования по монастырям.

Живу на Каменном у Спаса,
Приют мой ныне - монастырь.
Весь скарб мой - сапоги да ряса,
А библиотека - псалтырь.

Так писал он по какому-то случаю в одном из писем своих императрице Марии Александровне, которая и пожаловала его, помнится, за это большое письмо стихами пятьюдесятью рублями. Но деньги шли у него уже на однуводку, совершенно расстроившую его здоровье. От нее, конечно, он и умер давно и преждевременно, но какую и где Господь послал ему кончину, ничего не знаю". (Сиротин В.И. в 1950 г. окончил Вологодскую ДС. В 1855 г. рукоположен во священника к Керчомской церкви. В 1858 г. послан в Семигородную пустынь-А.М.).

***